

Ю.А.Панов (Воронеж)

**ЭКСПАНСИЯ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ КАК ЗАПОЛНЕНИЕ
ЛЕКСИЧЕСКИХ И СТИЛИСТИЧЕСКИХ ЛАКУН**

В статье рассматривается стилистически сниженная лексика как элемент коммуникации, делается вывод о заполнении ею лексических лагун.

The article treats stylistically lowered vocabulary as an element of human communication. The author comes to the conclusion that it fills lexical lacunae.

Интенсивное распространение сниженных слов и выражений в разговорной и (потенциально) литературной речи является в течение последнего десятилетия наиболее заметным языковым процессом в России. Эта тенденция не утрачивает активности и сегодня, более того, едва ли ошибется тот, кто предскажет ее нарастание в ближайшие годы.

В общеупотребительном языке сегодня наблюдается столь мощный наплыв сниженных лексем, что, возможно, современный 'среднестатистический' молодой человек без труда столкнулся бы с отъявленным уголовником 80-х гг. В.М.Мокиенко и Т.Г.Никитина собрали в своем словаре [Мокиенко & Никитина 2000] 25000 слов и 7000 устойчивых выражений жаргонного характера, но уже сейчас можно сказать (правда, 'навскидку', так как специальных исследований, насколько нам известно, не проводилось), что существенная их часть уже утратила свою эзотеричность, широко употребляется носителями русского разговорного языка и известна людям книжной культуры.

Данное явление приводит, с одной стороны, к готовности интеллигента допустить, в специфической ситуации и со специфической коммуникативной целью, употребление сниженной лексики (слово, что называется, 'вертится на языке'), а с другой стороны, происходит деформация литературного словоупотребления – языковая практика заставляет людей невольно ориентироваться на жаргонные формы и значения.

Конечно, многие лексические единицы из указанного словаря нехарактерны не только для литературного, но и для разговорного лексикона (так, в словаре В.М.Мокиенко и Т.Г.Никитиной попадают лексемы с совсем 'дремучим' происхождением, например, *томба* 'плата хозяину притона за предоставление помещения для азартных игр' – видимо, обломок *гека-*

томбы, слова, обозначающего античное ритуальное жертвоприношение и неизвестно как попавшего в уголовный язык), однако ни один специалист-филолог не решится сегодня утверждать, что таким словам вход в общенациональный язык заказан безнадежно.

В научной литературе довольно часто приводятся слова Б.А.Ларина (относящиеся к 1928 году, когда лингвисты наблюдали в СССР сходную с сегодняшней по интенсивности проявления языковую картину) о том, что «историческая эволюция любого литературного языка может быть представлена как ряд последовательных ‘снижений’, варваризаций, но лучше сказать – как ряд ‘концентрических развертываний’» [Ларин 1977: 176].

Как видим, Б.А.Ларин описывает данный процесс как центробежный – от ядра национальной языковой системы (литературного языка и книжной культуры) к ее окраинам (просторечию, жаргонам и их носителям); литературный язык как бы ‘идет в народ’, то есть снижается, а сама книжная культура покрывает все большие пространства в социальных низах. Тенденция в развитии языка и общества отвечает, таким образом, идее прогресса, дает основания для мировоззренческого оптимизма – ведь литературное ядро языковой системы, согласно такой точке зрения, утрачивает свою первоначальную закрытость, развертывается вширь. Жизнь, видимо, давала исследователю материал для такого взгляда.

Сегодня ситуация выглядит диаметрально противоположной: не центробежным, а центростремительным оказывается движение лексических и стилистических потоков в языке и культуре; не литературный язык, нормированный и кодифицированный, идущий от Пушкина и закрепленный в академических словарях, концентрическими кругами развертывается в национальном языке, а напротив, от окраин к его центру стягиваются лексика (прежде всего) и грамматика. Это может быть вызвано тем, что в общеупотребительном языке на определенном историческом этапе его развития ощущается некий вакуум, некая неадекватность номинативных средств реальности, что требует заполнения и компенсации.

Сегодня мы наблюдаем, что материал для такого заполнения разговорная речь берет не 'сверху' (из литературной системы), а 'снизу' – из просторечия и всевозможных жаргонов.

Нетрудно заметить, что указанный языковой вакуум носит двоякий характер. С одной стороны, носитель языка ощущает 'техническую' неадекватность своей речи – несоответствие того, как он пользуется языком в данный момент, тому, как он мог бы удобнее для него пользоваться языком, если бы немного изменил его: сократил бы отдельные формы, устранил бы несущественные, с его точки зрения, варианты, облегчил бы произнесение слов переносом ударения на начальные слоги и т.д.

Литературный язык, подчиненный норме, владеющий богатейшим арсеналом тонко дифференцированных средств, рассчитанный на вдумчивое проникновение в смысл сказанного и требующий четкого произнесения слов, утомительного для артикуляционного аппарата человека, сегодня, видимо, уже не отвечает 'техническим' требованиям разговорной речи, и она втягивает в себя удобные для использования лексические и грамматические формы из просторечных и жаргонных систем, где закон экономии речевых усилий и закон аналогии не имеют нормативных преград.

Таким образом, активизация сниженных лексических форм в современной русской речи частично объясняется внутренними закономерностями в развитии языка как системы, но гораздо более важными трансформаторами современного русского дискурса выступают экстралингвистические факторы.

Прежде чем перейти к вопросу о внеязыковых процессах, определяющих характер современного русского словоупотребления, мы попытаемся обосновать одно терминологическое разграничение, не встречавшееся пока в языкознании, но, на наш взгляд, теоретически не бесполезное. Речь идет о разведении понятий *система языка* и *языковая система*. Первое означает язык как систему норм, структурных уровней и внутренних закономерностей его функционирования, то есть тот язык, каким мы его видим в академических словарях и грамматиках и который возникает как результат действия различных лингвистических законов. Второе рассматривает язык в общекультурном, социальном контексте: языковая система как понятие включает в себя не

только кодифицированный язык и его внутреннюю 'технику', но и языковое сознание, под которым мы понимаем часть общественного сознания, выражающую представление людей разных социальных слоев о языке (в том числе 'народная' грамматика, весьма часто не совпадающая с академической), а также некодифицированные функционально-стилистические слои, одним словом, все общественное 'окружение' академического языка, которое может трансформировать его.

Не встречающаяся в языкознании, подобная терминологическая дифференциация применяется в других отраслях гуманитарной науки. В юриспруденции, например, опираются на сходные основания, когда выделяют *систему права* как совокупность установленных государством формально определенных (то есть писанных и опубликованных) норм – проще говоря, сумму всех законов, которые регулируют поведение человека, и *правовую систему*, куда, помимо правовых норм, включаются правосознание, то есть представление людей о праве (человек часто уверен, что знает содержание закона, хотя никогда не читал его, подобно тому, как он 'знает' нормы произношения слов, хотя ни разу не взглянул в словарь), всевозможные межгосударственные правовые соглашения, которые *косвенно* регулируют поведение граждан, одним словом, правовая система – это все законы в их общественно-культурном окружении.

Лингвистика смыкается с юриспруденцией в том, что в обеих науках важную роль играет коллизия между нормой и представлением о ней, между нормой и трансформирующим ее в сознании человека окружением. Эта междисциплинарная общность может быть подчеркнута и в чисто терминологическом плане.

В языковой системе происходят наиболее важные для формирования современного русского дискурса процессы, и суть этих явлений нельзя понять, минуя вопросы взаимодействия языка и сознания, в частности, проблему лингвистической лакунарности.

В научной литературе лингвистическая лакуна чаще всего определяется как «явление, которое имеет место всякий раз, когда слово одного языка не имеет соответствия в другом языке» [Vinay & Darbelnet 1958: 10]. Экспансия сниженной лексики в современном русском языке связана, как представляется, с лакунарностью иного рода – внутриязыковой (интраязыковой), «когда в (...) языке

отсутствует слово для обозначения реальной предметной ситуации, хотя потенциально оно могло бы существовать в лексической системе данного языка» [Быкова 1998: 8].

Г.В.Быкова полагает, что в основе внутриязыковой лакунарности лежит понятие лингвистического нуля: «нулевыми могут быть не только синтаксические конструкции, не только формальные элементы, опирающиеся на парадигму, в которой обязательно имеются формы с материально выраженными формальными элементами (например, *дом, дома, дому*), не только нулевая аффиксация (*самоцветный камень – самоцвет, противогазовая маска – противогаз*), но возможно и полное отсутствие плана выражения при одновременном наличии плана содержания, то есть, никак не обозначенного, нематериализованного до поры до времени идеального содержания – представления, гештальта или понятия» [Быкова 1998: 9].

Очевидно, что в основе такого утверждения лежит предположение о возможности существования содержания без формы, идеального без материального, атрибута без субстанции, которое далеко не бесспорно и требует серьезных философских обоснований, подтвержденных научными данными. Ряд научных работ последнего времени без достаточных оснований опирается на субъективно-идеалистическое предположение о том, что сознание только в небольшой своей части находит выражение в языке, тогда как остальная его часть не имеет материального воплощения и в виде бесплотных «представлений, гештальтов или понятий» участвует в мыслительной деятельности. Язык, с этой точки зрения, выполняет лишь функцию общения, принципиально сходную с функцией общения в животном мире, но гораздо более развитую (см. также работы о 'языке' животных).

На наш взгляд, более доказательной является другая линия в философии, которая рассматривает сознание как общественное явление, то есть находящееся не в голове человека, а существующее в языке (в том числе и языке культуры), и нигде больше. Язык человека выполняет функцию осознания окружающего мира и этим отличается от коммуникаций в животной среде. Что не названо, то и не осознано. Именуя окружающий мир, человек структурирует его в объект сознания, в абстракцию. На основе увиденного, услышанного или иначе почувствованного не возни-

кает абстрактного мышления, как нет его у животных. Та огромная разница, которая существует между миром человеческой культуры и миром природы, объясняется наличием у человека языка как средства познания и единственного условия возникновения сознания, абстрактного мышления.

Новый подход к лингвистическому нулю (в отрыве от парадигмы, «в которой обязательно имеются формы с материально выраженными формальными элементами») означает ‘незаметный’ субъективно-идеалистический переворот. До сих пор в лингвистике (и литературоведении) ‘пустота’ имела значение, только будучи противопоставлена ‘непустоте’. Так, нулевое окончание есть только на месте материально выраженных флексий (*стол, стола, столу*); нет оппозиции – нет и нулевой флексии (как, например, в наречии). Ю.Н.Тынянов приписывал значение ‘пустым’ строфам «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» только на том основании, что эти пустоты зияют в ряду написанных строф и, стало быть, материально выражены [Тынянов 1972]; в противном случае Тынянову пришлось бы искать смысл во всех чистых листах бумаги.

Подчеркнем, что мы уважаем любой философский подход, но он должен быть обоснован как принцип, лежащий в основе исследования, а не вводиться незаметно, походя, как якобы не нуждающийся в серьезных доказательствах и само собой разумеющийся. Лингвисты пока не отказались от материалистического мировоззрения (развитого сегодня трудами крупнейших философов, русских и зарубежных, и успешно преодолевающего идеалистические концепции), и, чтобы вывести ее на экзистенциалистские пути, мало одних предположений о материально не выраженных ‘идеальных сущностях’ в мозгу человека.

Понимая язык как средство осознания мира и единственное условие человеческого (т.е. абстрактного) мышления, мы видим проблему лакунарности вне понятия лингвистического нуля. Реальный мир, развиваясь, меняется быстрее, чем отражающий его язык. Закрытое, непривычное вырывается из запретных сфер и вторгается в обыденный мир человека. Логика материального развития приводит к появлению неизвестных ранее реалий. В современной России создание рыночной экономики принесло с собой новую культуру, генетически связанную, с одной стороны, с западным миром (в основном, англоговорящим), с другой – с быв-

шим социальным дном, средой преступников, наркоманов, мелких торговцев и т.д. Возникновение рынка означает ликвидацию 'теневой экономики' (в обыкновённом сознании преступной), спекуляции и связанной с ней криминальной инфраструктуры. Человек почувствовал себя в новом материальном мире, и, чтобы его осознать, потребовалось его переименовать. Слово *милиционер* оказалось неадекватным реальному работнику правоохранительных органов, потому что это был уже другой работник, – появился *мент*. Словами *обманывать*, *мошенничать* раньше назывались совсем другие действия, чем те, которые человек видит сейчас, – сегодня обманывают дерзко, по-крупному, *кидают*. В СССР секса 'не было', и эта фраза, вырвавшаяся на заре перестройки у участницы одного из популярных тогда телемостов, глубже, чем кажется: секса, действительно, не было как предмета осознания в общепотребительном языке; были слова *любовь*, *близкие отношения*, а термины, связанные с физиологией половых отношений, бытовали в низших слоях языка. Потребность в осознании этой стороны жизни на широком общественном поле привела к возникновению соответствующих слов.

Таким образом, лингвистическая лакуна возникает, на наш взгляд, как результат отставания сознания от реальности: новое приводит в недоумение человека, не находит еще выражения в конкретных терминах языка, сосредоточивающих в себе наиболее существенные признаки этого нового. Сначала возникает неоднословное сочетание («*тот, кто раньше с нею был*», пример из песни В.В.Высоцкого, приведенный профессором И.А.Стериним), которое в итоге либо выливается в одно слово, выражающее отвлеченное от конкретных признаков данного предмета и обобщенное понятие, либо остается малоактуальным для общественного сознания и продолжает существовать в слабо, неглубоко осознанной форме (так, по всей вероятности, произойдет и с «*тем, кто раньше с нею был*», – пока не возникнет общественной потребности в выделении у «*тех, кто раньше с нею был*» каких-либо существенных общих признаков; а до тех пор 'тот' будет осознаваться как нечто неопределенное – как назван, так и осознан).

Вакуум, который образуется на месте разрыва между новой реальностью и ее осознанием, более или менее настоятельно требует заполнения. В существенной части случаев новая матери-

альная среда возникает как результат легализации закрытой прежде от широких общественных слоёв реальности. Уже наименованная арготическим словом, реалия недолго остается неназванной в общеупотребительном языке, который охотно заимствует жаргонную лексему. В других случаях реалия переосмысливается, видится иначе, и тогда вместо *милиционера* появляется *мент*, вместо *бездельничать* – *дурковать*, вместо *идти* – *канать*, вместо *спать* – *кемарить* и т.д. Очевидно, что требовать осознания может как реалия целиком (и тогда в языке появляются лексические лакуны), так и отдельное новое качество уже поименованной в языке реалии (и тогда мы будем говорить о стилистической лакуне). Лексические лакуны заполняются новыми словами, не имеющими однословных синонимов в общеупотребительном языке (*крыша* ‘криминальная поддержка предпринимательской деятельности’, *кумарить* ‘употреблять наркотическое вещество’, *наезжать* ‘в грубой форме предъявлять претензии кому-либо’, *приход* ‘начало действия наркотического вещества’, *разморозиться* ‘прервать наркотический голод’ и т.д.); стилистические лакуны замещаются экспрессивными синонимами уже имеющихся в языке слов (*баян* ‘шприц’, *глюк* ‘галлюцинация’, *жмурик* ‘труп’, *замочить* ‘убить’, *оттягиваться* ‘развлекаться’ и проч.).

Не все лакуны, как показывают наблюдения, заполняются сниженными словами. Реалия, пришедшая с Запада, скорее всего, будет осознана в иноязычной лексеме. Однако поток сниженных лексических единиц в общенациональный язык столь интенсивен, что заставляет говорить об экспансии жаргонных слов в современном русском языке; эта интенсивность объясняется, на наш взгляд, интенсивностью проникновения в общенародную культуру ранее закрытых, воспринимающихся как сниженные, реалий. Таким образом, центростремительная направленность современных языковых процессов объясняется, с одной стороны, общими закономерностями системы языка, с другой – новыми тенденциями в его общественно-культурном окружении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быкова Г.В. Лакунарность как лингвистическое явление. Благовещенск, 1998.
2. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977.

3. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
4. Тынянов Ю.Н. О композиции «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА». М., 1972.
5. Vinay J.P., Darbelnet I. Stylistique comparée du français et de l'anglais. P., 1958.

Получено 13.06.2001 Воронежский государственный университет